

БЛАГОЧЕСТІЕ ВЪ ХИЖИНѢ

П А С Т У Х Ѣ

САЛИБУРСКОЙ ДОЛИНЫ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. ДРЕХСЛЕРА.

1815 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Марша 6 дня 1815 года.

Цензоръ Сш. Сов и Кав. Ив. Тимковскій.

Господинъ Жонсонъ, честной и доброй
Дворянинъ, провѣждалъ однажды верьхомъ пре-
красныя долины близъ Вилшимира. Вечеръ
былъ пріятный лѣпній. Онъ вѣхалъ тихо,
дабы наслаждашься природою и славиль
Бога въ швореніяхъ Его. Онъ починалъ,
что время гулянья сколькоже удобно, какъ и
другое, къ размышленію о полезныхъ вещахъ:
и по этому онъ рѣдко въ шаковыхъ случа-
яхъ занимался дѣлами домашними, полиши-
кою или шорговлей; дабы болѣе имѣть вре-
мени наслаждашься благочестивыми размыш-
леніями, раждающимися ошъ воззрѣнія на
шворенія Создателя неба и земли.

Собачій лай прервалъ вдругъ его размыш-
ленія, и, взглянувъ онъ, увидѣлъ пасшухъ
шалашъ и близъ онаго самаго пасшуха, спа-
рающагося съ помощію собаки своей собрашь
большое свое стадо овецъ. — Подѣхавъ
ближе онъ увидѣлъ, что пасшухъ сей былъ
бѣдной шарикъ около пятидесяти лѣтъ,
но чистой, красивой. Кафшанъ его хопя
вначалъ, видно, и былъ темнаго цвѣша, но
въ продолженіи многихъ лѣтъ сколько былъ
заплаченъ разноцвѣшными доскушьями, что
мудрено было сказашь, какого онъ былъ
цвѣшу. Сіе явно доказывава бѣднось
пасшуха, не менѣе доказывало и опмѣнную
опрашность, рукодѣіе и хозяйство жены

его. Чулки его также доказывали ея прудобіе, пошому что они были шшопаны и перешшопаны, но не было ни одной на нихъ дыры. Рубашка на немъ хошя и не шонѣ парусины, была однако бѣла какъ снѣгъ, и вычинена также какъ и прочее одѣяніе. Сіе даетъ намъ правило судить, кошорому слѣдуя, рѣдко можно обманушься. — Когда я встрѣчаю мужика, пащуцаго, загораживающаго загородъ, копающаго или починивающаго дороги, и вижу, что чулки на немъ и рубашка вычинены и зашшопаны: какъ бы бѣдна ни была одежда его, но, войдя въ домъ его, обыкновенно нахожу его также чистымъ и опрятнымъ, и жену его порядочною и достойною похвалы. Ибо женщина, кошорая спитъ, лежа въ постелѣ, или болшаешъ съ сосѣдами, когда должна бы сидѣть и обшивать мужа, рѣдко бываешъ порядочно и въ другихъ отношеніяхъ.

Пасухъ нашъ не въ томъ былъ положеніи, и Г. Жонсонъ сполько же радовался опрятности и чистотѣ его одѣянія и доброму и честному его виду, изображающему здоровье и веселой нравъ.

Г. Жонсонъ ѣхавши въ пушь, и опасаясь нѣскольکو помраченнаго шучами неба, угрожаващаго дождемъ, подѣхаль къ пасуху и спросиль: что онъ думаетъ, какова погода будетъ на утро? — Погода будетъ, какая мнѣ угодна, отвѣчалъ пасухъ. Отвѣтъ сей сдѣланъ хошя самымъ учпивымъ образомъ, показался однако грубымъ и спраннымъ; и Г. Жонсонъ спросиль: какъ это возможно? — Пошому, отвѣчалъ пасухъ,

что погода будетъ какая угодна Богу; а что угодно Ему, то угодно и мнѣ. —

Г. Жонсонъ опмѣнно любящій проспыхъ людей, очень доволенъ былъ симъ опмѣномъ: ибо онъ думалъ, что хоня и лицемѣрь легко можешь показаться незнакомому лучшимъ, нежели каковъ есть, и что никому не должно вѣрншь пошому шолько, что хорошо опмѣчалъ нѣсколько словъ: однако зная, что опъ избышка сердца успа глаголюшь, онъ всегда судилъ хорошо о шакowychъ, копорые въ обхожденіи показывали разсудительность и говорили основательно. Это, казалось ему, производншь опъ хорошей привычки; и хоня я, говорилъ онъ, могу иногда въ сужденіи своемъ ошибаться, однако сіе не часшо со мною можешь случншься. Когда же человекъ говоритъ со мной льниво, неприспойно и низкими выраженіями: то я уже никогда не ошибался, и всегда находилъ, справясь объ немъ, что поведеніе его и характеръ споль же дурень, какъ разговоръ его предвѣщаль.

Онъ вспунилъ въ рѣчь съ паспухомъ слѣдующимъ образомъ: — жизнь швоя должна бышь очень заботлива, другъ мой! сказалъ онъ? — Конечно не льнивая, Государь мой, опмѣчалъ паспухъ; но не шакова и не споль шрудная, какъ жизнь, какую ради меня велъ Господь нашъ; Онъ могъ избрать изо всѣхъ состояній и званій въ міръ семь, а избралъ шягостпую; я же повинуюсь шолько участи моей. — Ты всегда шерпншь зной, холодъ! — Правда: за то не мучимъ большими изкушеніями; и шакъ пошавляя одно въ сравненіи съ другимъ, Богу угодно шакъ

уравнивать вещи, что мы бѣдныя, несѣдущія и слѣбныя швари и поняшь сего не можемь.

Давидъ щаспливѣе былъ пасши спадо опца своего на такой долинь, какъ я, и поючи свои псалмы, нежели когда былъ Царемъ Израиля и Иудеи. И никогда бы не написалъ онъ нѣкопрыхъ изъ прекраснѣйшихъ мѣсшъ псалмовъ сихъ, есшлы бы не былъ пасшухомъ; сие дало ему способъ сдѣлать богатыя сравненія, копорыя почерпнулъ изъ образа сельской жизни: спада, горы, равнины, ручьи и проч. къ сему способствовали. Посему, считаешь ты, сказалъ Г. Жонсонъ, что жизнь шрудолубивая — жизнь щаспливая? — Думаю, Государь мой, и пошому больше, что она меньше подвергается опасности грѣшнш. Есшлы бы Царь Сауль продолжилъ до конца жизни своей бышь бѣднымъ, работающимъ человекомъ, то могъ бы прожить честно и щасливо, и умеръ бы своею смершю, по крайнѣй мѣрѣ въ послѣди бы своей, чего, какъ ты знаешь, Государь мой, ему не удалось. Но о семъ должно говорить съ почтеніемъ, пошому что шакъ угодно было учредить Провидѣншю, — и я не смѣю дѣлать сравненій. Къ шому же, Государь мой, сосшоянше мое всегда было опмѣнно почшено. — Моисей былъ пасшухъ въ Мидіанскихъ долинахъ. Не пасшухамъ ли, пасшимъ спада свои, ношю явилась Ангели въ Вифлеемѣ, благовѣстивуя радоснш и миръ бѣднымъ и грѣшнымъ людямъ? — Часно, часно мысль сѣ согрѣвала бѣдное сердце мое въ холодныя ночи, и износило меня радосншю и благодарносшю во время голоду, шакъ

какъ бы я упоилъ гладъ свой лучшимъ ужиномъ.

Тунъ оспановился пасхухъ, примѣшивъ, что обходился слишкомъ смѣло и говорилъ очень много: но Г. Жонсону весьма нравились всѣ его слова и веселой видъ, съ кошорымъ онъ говорилъ, шакъ что просилъ его продолжашь, увѣряя, что онъ радуешя, когда въспрѣпишь просшаго, чистосердечнаго челоуѣка, не имѣющаго другаго ученія кромѣ какъ изъ Библии; и припѣмъ шакого, кошорый въ соспоянїи говоришь шакъ хорошо о предметѣ, въ коемъ всѣ люди — большіе и малые, богашые и бѣдные — всѣ равно должны учаспвовашь.

Право, я боюсь, Государь мой, не слишкомъ ли я смѣль: мнѣ болѣе слѣдовало бы слушашь шакого барина, каковы кажешь вы, нежели говоришь по просшу — по своему; но, какъ я уже сказывалъ вамъ, я дивлюсь, какъ всѣ рабочіе люди не упѣшаюшя какъ и я, шюю мыслію, что Богъ сполько возвысилъ бѣдность! — Когда богашый, славный или сильный былъ сполько же почшенъ въ соспоянїи своемъ, какъ были пасхухи, скиношворцы, рыбаки и шекшоны? —

Я вижу, другъ мой, сказалъ Г. Жонсонъ, что ты хорошо знаешъ Священное Писаніе? — Знаю, сударь, изрядно, слава Богу! По милоспи Его я выучился читашь въ младыхъ лѣтахъ, хошя тогда чшеніе не споль обыкновенно было, какъ, говоряшь, спановишя нынѣ, по благоспи Небесъ и щедроспи богашыхъ. Не прошло ни одного дня, я думаю, въ продолженїи шридцати лѣтъ, что бы я не почиалъ Библии своей. Ешьяли нѣтъ

времени прочитайшь главы, по конечно не найдешся такого челоувѣка, который бы не могъ прочитайшь хотя одного стиха: а всякой стихъ, Государь мой, хорошо обдуманый и въ дѣйствіе производимый въ продолженіе каждаго дня, немалый составилъ бы щепъ въ концѣ года: приста и шестьдесять пять стиховъ, безъ пошери минувшы времени, приобрѣли бы изрядное богатство, золотое сокровище, можно сказаць, ошъ одного году до другаго; да естѣлибъ дѣши были такъ воспитаны, онибъ приходили всякое ушро за стихомъ своимъ, какъ приходяць за завтракомъ. Земледѣлецъ и работникъ не имѣюшь, правда, столько времени, какъ пасухъ; ибо пока спадо пасешся, я должень сидѣть на мѣспѣ, и тогда имѣю время подмешаць башмаки себѣ или дѣшамъ, что много намъ спомоществуетъ; и занимаясь симъ, я швержу часъ главы Св. Писанія, что очень утѣшаетъ меня въ сей нушынѣ. Я большую часъ Библии знаю наизусть; я не скажу, лучшую часъ, пошому что она вся хороша, а большую. Я всегда велъ жизнь уединенную, и часпо нѣчего было вѣшь: то Библия моя всегда мнѣ была и пища и пише и шоварищъ, смѣю сказаць; и когда нужда и забота обременяли меня, я не зналъ что бы и дѣлаць, естѣлибъ не имѣлъ обшпованій священной книги сей въ подкрѣпленіе и утѣшеніе свое.

Посему ты много шрудовъ перенесъ, сказаць Г. Жонсонъ? — Не болѣе другихъ, Государь мой; грѣхъ пожаловашся, благодарить Бога должно; но заботъ было много. Извольте посудишь: я имѣю жену, восмерыхъ дѣ-

шей, которыхъ возпишываю въ этой хижинкѣ, подь горою — съ полверсты ошюда. — Вонъ ша, изъ шрубы копорой дымъ идешь? — О, нѣшь! сударь, сказалъ паспухъ улыбаясь: у насъ рѣдко огонь ввечеру, пошому что нѣчего варить, и дрова здѣсь очень дороги. — Вошь эта хижина, копорую вы видите, на лѣвой рукѣ опѣ церкви, подлѣ куснарника. — Какъ! эта хижинка съ свѣшличкой вверху, да и шрубу чушь видно? — Какъ! возможно ли шебъ шамъ жить съ шакой семьей? — Очень возможно, какъ и живу, опвѣчалъ паспухъ. Сколько людей и хуже меня жили! Сколько добрыхъ Хрисшанъ померло въ шемницахъ и заключеніи! Въ сравненіи съ шѣми — хижинка моя — дворець! Домикъ мой очень хорошъ, сударь; и есплѣбъ дождь не пробивалъ иногда на насъ, когда мы спимъ, я бы и не желалъ лучшей; пошому что я здоровъ, покоень, свободень и никого не боюсь. —

Хорошо, я непремѣнно побываю у шебя: но какъ шы помѣщаешь сполько дѣшей? — Помѣщаемся ужъ какъ можемъ, Государь мой. Жена моя очень хворая женщина, а шо бы мы жили очень изрядно. Въ нашемъ приходѣ нѣшь Дворянь, шакъ и помощи мало ей въ болѣзни. Доброй Паспоръ нашъ, живущій шамъ — въ долинь, очень охотно помогаль бы намъ, но не въ соспояннi; пошому что самъ небогашъ и шакже имѣешъ большую семью. Однако онъ все дѣлаешъ что можешъ, и болѣе нежели многіе богашые люди дѣлаюнш. Кромъ шого молишвами его и добрыми совѣшами всегда пользуемся — и за это очень благодарны. Человѣкъ

долженъ давать по возможности своей, Государь мой, какъ вамъ извѣстно, а не свыше.

Не имѣешь ли какой нужды шеперь, спросилъ Г. Жонсонъ? — Нѣтъ — сударь, благодарю Бога, ошвѣчалъ пасшухъ. Я получаю свою подшину въ день, и большая часть дѣшей моихъ будущъ скоро въ еоспояннн чшо нибудь выработывашь: только перое малыхъ, кошорые менѣе лянн дѣшъ. — Г. Жонсонъ сказалъ: эшо великая обуза. — Никакъ нѣтъ: Богъ намъ на шо даешъ; хощя жена моя и не въ еоспояннн работашь въ полѣ, однако она возишываешъ дѣшей, приучая къ шрудолобню, шакъ чшо дѣвочки наши, не имѣя еще ошъ роду б-ши дѣшъ, выработываюшъ сначала гривну въ недѣлю, а пошомъ и цѣлый чешвершакъ вязаньемъ. Мальчики гоняюшъ пшщъ съ пошѣву, и за эшо берушъ хощя бездѣлицу, но они очень малы еще; за эшо имъ даюшъ гривну или двѣ, и кой-когда кусокъ хлѣба и сыру. Когда грачи уже улешашъ, шогда они подбираюшъ колосья или камни: все лучше нежели праздношъ, сударь; ешълибъ и ничего имъ за шо не давали, я даромъ заснавлялъ бы ихъ шо дѣлать, шолько чшо бы приучашъ ихъ къ работѣ.

И шакъ вы видите, Государь мой, чшо мнѣ еще не шакъ худо, какъ многимъ другимъ; ешъли бы не шакъ дорого ешодо мнѣ лѣкарство для больной жены моей, я бы почишалъ себя довольнымъ; но и шеперь я доволенъ: ибо Богъ услышалъ молишвы мои о продолженнн жизни ея; а я радъ работашь во всю жизнь свою и-ѣшъ одинъ

хлѣбъ, что бы доставить хотя малѣйшее облегченіе ей въ болѣзни.

Тушь прервала разговоръ ихъ краснощекенькая улыбающаяся дѣвочка, прибѣжавшая безъ памяти; она, не смотря на незнакомаго Господина, вскричала съ возхищеніемъ: — посмотри, панинька, посмотри сколько я набрала! Г. Жонсонъ любовишесивоваль посмотрѣвъ, что причиняло ей радость, и увидѣвъ изъ раздраннаго передника ея клоки овечьей шерсти. Щаспливой день, видно, тебѣ, Маша; но развѣ ты не видишь Господина сего? Тогда Маша поклонилась пренизко; и Г. Жонсонъ спросилъ причину ихъ обоюдной радости.

Бѣдность, Государь мой, очень изоспряешь умъ. Ни я, ни жена не можемъ шерсть, что бы дѣши наши ходили босикомъ, (какъ они ни бѣдны) не шолько пошому, что холодно, но и пошому, что эшо не чисто и не опряшно: я же примѣшилъ, что бѣдные люди, презирающіе опряшность, по большой части и о честности нерадятъ; я не говорю, что бы эшо всегда такъ было, но очень часто. Башмаки же и чулки очень дороги теперь, и мы не въ состояніи покупашъ ихъ. Я покажу вамъ, сударь, когда къ намъ пожалуете, какъ я дѣлаю башмаки: а чулки выработываемъ мы симъ способомъ. Меньшіе мои дѣши, не бывъ еще въ состояніи много работашъ, посылаются въ праздные часы ходишь по горамъ и собирашь въ кустарникахъ клочки шерсти, въ нихъ оспяющіеся оиъ овецъ, кошорья любяшь о нихъ перещься, и кошорья, вижу я, такъ взорвали Машѣ передникъ. Они шерсть сію

приносять домой: мать ихъ сидя у печки чешеть ее и приготавливаетъ. Старшая дѣвочка прядетъ: красить ее не нужно; гдѣ бѣднымъ людямъ разбирашь цвѣта! Послѣ сего мальчики, сыновья наши, пасли коровъ въ полѣ, и пришедъ домой, по вечерамъ вяжутъ себѣ чулки: а мать и дѣвочки вяжутъ по большой часини на продажу. —

Г. Жонсонъ радовался тому, что честная бѣдность столько изобрѣшательна и употребляетъ такія средства для избѣжанія того, чтобъ просить милостыню, и удивлялся множеству средствъ вырабатывавшъ для пропитанія своего, кои неизвѣсны не имѣющимъ нужды. Онъ самъ въ себѣ рѣшился впредь болѣе смотрѣть за млочнымъ разходомъ своимъ, что бы ничего напрасно не пропало въ домѣ его. —

Но возвратимся къ пасуху. Г. Жонсонъ сказалъ ему, что имѣя крайнюю нужду бышь въ прошъ вечеръ у пріятеля своего, онъ не можетъ захватъ въ его хижину. Но возвращаясь, прибавилъ онъ, непременно буду я у себя; потому что очень желаю видѣть семью свою и хозяйство доброй жены своей. Слыша похвалу женѣ своей бѣднякъ, оперъ слезы навернувшіяся на глазахъ его. Государь мой! вы говорили, что я доброй мужикъ; а мнѣ кажешся, я очень гордъ. — Гордъ! — я надѣюсь что нѣтъ! Гордость есть великой грѣхъ; а такъ какъ бѣдные равно симъ заражаются какъ и богатые, то беригись и ты сего. Вы правы, сударь: но я не собой горжусь. Богъ свидѣтель, что мнѣ нѣчѣмъ гордиться! Но я горжусь женой своей; она не только трудолюбивая, руководь-

ная и честнѣйшая женщина изъ всего округа, но еще добрая жена и мать, покорная и благодарная Христіанка. — За то милосердое Провидѣніе и сохранило ее въ прошедшую зиму ошъ смертельной болѣзни. Она просудясь совсемъ-было сдѣлалась недвижима кромѣ рукъ, шакъ чшо не могла поворошиться въ постель своей, но все-шакъ кой-чшо робяшишкамъ шила и чинила. И тогда говорила: велика милосшь Божія, чшо оставилъ ей руки, и чшо послалъ на нее ревматизмъ, а не параличъ; тогда бы уже она ня къ чему не была способна, — и чшо Богъ являетъ ей особенное милосердіе. — Въра и шерпѣніе ея во время шягосшнаго изнышанія сего были великимъ урокомъ и мнѣ. — Однажды въ Воскресенье, возвращаясь изъ церкви (потому чшо я всегда ошлучаюсь одну часшь дня, а большая дочь моя другую, чшо бы жена не оставалась одна) Паспоръ нашъ позвалъ меня и спросилъ, какова моя жена, сожалѣя, чшо не могъ посѣщить ее ошъ випаднаго глубокаго снѣга. — Я ему рассказалъ все подробно, и, думаю, прибавилъ еще со шпраха. Онъ по милосши своей далъ мнѣ полшинникъ серебряной, и обѣщаль, чшо непременно посшарается увидѣшь ее на дняхъ.

Пока я съ нимъ говорилъ, шо споялъ подлѣ и слушалъ какой-шо Господинъ; казалось никакого вниманія онъ не дѣлалъ. Это былъ шесль его, прѣхавшій погосщить къ нему на праздникъ Рождества Христова. Я всегда слышалъ, чшо онъ человекъ прощодушный, скромный, живущій воздержно

для самаго себя, но помогающей бѣднымъ гораздо болѣе, нежели блистающіе сосѣди его.

И такъ я пошелъ домой съ большою радостію отъ неожиданнаго сего вспоможенія; ибо мы изтранили послѣднія свои вѣсти гривенъ, а работы найши шрудно было въ такую погоду. Вошедъ, я сказалъ женѣ своей, что не съ пустыми руками возвратился. Я надѣюсь, что и ты, ошвѣчала она, потому что служилъ Господу; *Онъ насытилъ есть душу твою и душу алчущу излоди благъ.* Псал. СѢ. ст. 9. Правда, Марія, ошвѣчала я: мы всегда почти получаемъ духовную пищу отъ Г. Пасхора; но нынѣ помогъ онъ намъ и въ шѣлесной нуждѣ. — Она конечно благодарнѣе была за эпошъ полшинникъ, нежели богашые люди бывающъ и за сто рублей.

Какъ Г. Жонсона упрекало сердце, слышавъ пользу одного полшинника! Конечно, подумалъ онъ самъ въ себя, я впередъ не промашаю ни одного. Паспухъ продолжалъ: На другой день поушру купилъ я женѣ немного меду подмѣшавъ въ нише, и осмавя ее нѣсколько въ лучшемъ положеніи, понелъ я рубинъ дрова гораздо спокойнѣе обыкновеннаго духомъ, и болѣе увѣренъ, что Бѣгъ доставилъ намъ дневную пищу. Возвращаясь ввечеру домой, жена облилась слезами увидѣвъ меня; — эпо, признаюсь, показалось мнѣ худою благодарносшью за полученныя нами милосши, я сказалъ ей. — Ахъ! ошвѣчала она, эпо слишкомъ много: мы уже очень богашы; я шеперь боюсь не того, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего не будемъ имѣть, но что бы всю часшъ свою не здѣсь

имѣшь. Посмотри, Иванъ! говоря сіе, она указала мнѣ на кровашь, на кошорой лежали два полспыя, теплыя одѣяла. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, пошому чшо выходя поушру оспавилъ ее подь худымъ нашимъ синимъ одѣялишкомъ; но еще болѣе удивился, когда она отдала мнѣ рубль серебромъ, сказывая, чшо Г. Паспоръ и шестъ его приходили ее навѣспить, и чшо послѣдній ей все эшо далъ. Жена моя выздоровѣла скоро послѣ сего, и я думаю, чшо одѣяла ей очень помогли: ибо мудроно ревматизму пройши безъ теплой одежды и безъ огня. Она всегда оспанешя дряхлою, но душа ея бодрспивуешъ и укрѣпляешя, слава Богу! — Извините, Государь мой, чшо я шакъ много говорю о себѣ. — Ничего, ничего, ошвѣчалъ Г. Жонсонъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ повѣспть твою, и на эшихъ дняхъ непременно къ тебѣ заѣду. Прощай! прибавилъ онъ, положи рубль серебромъ ему въ руку, — и поѣхалъ далѣе. Конечно, говорилъ паспухъ, отдавая ввечеру деньги женѣ своей, благость и милость сопровождашъ всѣ дни живота моего.

Чшо же касается до Г. Жонсона, шчо онъ имѣлъ много предметовъ, о кошорыхъ размышлять въ нуши своемъ. — Онъ болѣе былъ разположенъ завидовашъ паспуху, нежели сожалѣть о немъ. — Я рѣдко вспрѣчалъ, говорилъ онъ, человекка шаспливѣе его. Эшо шаспие такого рода, чшо свѣсть дашь не можешъ, и опняшь, видно, не могъ. Эшо долженъ бышь испишной духъ Хриспианства. Я вижу ясно, чшо испишная доброта не сосшоишь только въ словахъ и мнѣніяхъ, но въ правилѣ, кошорое приводимъ въ дѣйствіе при вся-

комъ случаѣ жизни нашей. Чшо бы иначе могло поддерживать сію бѣдную чешу подѣ шягосшію болѣзни и бѣдноспи? — Нѣтъ, доброй пасухъ мой! я не жалѣю о шебѣ, но почишаю шебя; и посѣщу хижину швою на возвращномѣ нуши моемѣ съ шакимѣ же удовольствіемѣ, какѣ шеперь посѣщаю друга моего.

Ч А С Т Ь II.

Господинѣ Жонсонѣ проживѣ нѣсколько дней у пріятеля своего, поѣхаль назадѣ въ С. Л. и въ субботу вечеромѣ добхаль до маленькаго постоялаго двора за двѣ или шри мили ошѣ деревни, въ кошорой жилѣ пасухъ; пошому чшо онѣ въ Воскресенѣ никогда не пушешествоваль безѣ крайней нужды. На другой день поушпру пошель онѣ въ церковь близѣ шого дому, гдѣ онѣ ночеваль, и позавтракавѣ, пошель опыскиваль пасухову хижину. Онѣ для шого выбраль для посѣщенія Воскресенѣ, чшо полагаль, чшо эшо былѣ одинѣ день, въ кошорой пасухъ свободенѣ ошѣ работы и кошорой могѣ проводить въ семьѣ своей. Г. Жонсонѣ желаль видѣшь, какѣ человекѣ по наружности шоль благочестивый проводить воскресный день. — Не по словамѣ должно судить людей, но по жизни ихѣ. —

Пройдя нѣсколько по пріятной дорогѣ, подошель къ хижинѣ, кошорую узнать по кусшарнику ее окружающему и по развалившейся шрубѣ. Онѣ желаль войши неожиданно; и подойдя шихонѣ, ошановилсѣ

послушать. — Дверь была не совсемъ зашворена: онъ увидѣлъ паспуха, (кошорой имѣлъ преночпенной видъ въ праздничномъ кафшанъ своемъ) жену его, и множество дѣтей собравшихся вокругъ маленькаго стола, покрытаго чешною; хоня и прешолешною скашернью. На немъ стояло большое блюдо каршофелей, каменный кувшинъ и кусокъ ржанаго хлѣба. Жена и дѣши стояли въ почпипельномъ молчаніи: а паспухъ, возведя очи и руки къ небу, молилъ Всевышняго о благословеніи насущнаго ихъ хлѣба. Г. Жонсонъ не могъ не воздохнуть, предспавивъ, какъ часто онъ видалъ богашые обѣды, снѣдаемые безъ всякой благодарности.

Паспухъ и жена его сѣли съ веселымъ и довольнымъ видомъ, а дѣши стояли вокругъ стола; маишь раздавала имъ ѣсть, и Машинька, ша румяная дѣвочка, кошорая съ шакимъ возхищеніемъ собирала шерсть, сказала: папинька! Я бы желала бышь довольно велика; чшо бы чипашъ молишву благодарспвенную! я бы нынѣ благодарила шакъ усердно; пошому чшо я думала, какъ жалки бѣдные люди, неимѣющіе соли къ каршофелямъ своимъ, а у насъ; посмонпри-ка, полное блюдо! — Эшо справедливо, Машинька; опвъчаль ошець; во всемъ, чшо касается до шѣлесныхъ недоспашковъ или упѣшеній; должно всегда сравнивашъ нашу учасшь съ учасшію шѣхъ, коимъ еще хуже нашего, и сіе дѣлаешъ насъ благодарными: съ другой же спороны, когда почувспвуемъ склонность возгордишся своимъ умомъ или добродѣтелию: шо должны сравнивашъ себя съ людьми, кошорые умнѣе и добрѣе, и сіе

смирить насъ. — Машинька была такъ голодна и съ такимъ вкусомъ ѣла каршофель, что нѣкогда ей было говорить. Все было тихо, какъ вдругъ собака залаяла и обратила ея вниманіе на дверь, гдѣ увидѣвъ незнакомца, вскричала: погляди, панинька, погляди, вонъ пошь доброй баринь! — Гушь Г. Жонсонъ вошелъ, и съ радостію былъ принятъ благодарнымъ семействомъ.

Добрая женщина начала по обыкновенію женскому извиняясь, что домъ ея нечистъ и что не въ порядкѣ, для принятія шакого Господина. Г. Жонсонъ ничего не примѣтилъ однако, кромѣ опшмѣнной опрятности. Скашершь, на кошорой они ѣли, была почти также чиста, какъ и бѣлье ихъ; и не смотря на множествво и малолѣпствво дѣшей, никакой нечистоты ни безпорядку въ нихъ не видно было. Мебели, правда, было очень мало и бѣдна; — она состояла въ чешырехъ деревянныхъ стульяхъ, кошорые опъ долгаго употребленія свѣшились какъ зеркало: желѣзный горшокъ и кошель, старая решенка, на кошорую не болѣе горшки углей укладывалось, и съ кошорой огонь, видно, снись былъ, какъ скоро каршофели сварились; все прочее соопшвѣшшвовало сему. — Одно шолько богашствво и было, кошорое пасшухъ ни на что бы не промѣнйль, большая Библия, кошорая, кажешся, сохранялась въ величайшемъ почшеніи.

Послѣ обыкновенныхъ привѣшствій Г. Жонсонъ сказалъ имъ, что онъ сядешъ, ежели они продолжашъ обѣдь свой. Хотя сначала и посшыдились они, однако подумавъ, что почшительнѣе будешъ повиновашъ

ся волѣ его. А онъ, поглядѣвъ на сухой ихъ обѣдъ, дружески упрекнулъ паспуха, что не купилъ себѣ для Воскресенья куска вешчины. Паспухъ не отвѣчалъ ни слова; но жена покраснѣвъ объяснила, что она была по тому причиной, — и упирая слезы свои, съ благодарностію разсказала, что по долговременной болѣзни ея, мужъ оспавался еще должнымъ рубль два Докшору, и почелъ, что грѣшно будешь позволишь себѣ лакомиться, когда оспаешься еще долгъ; — за меня заплашилъ онъ деньги, копорыя вы ему пожаловали, Государь мой!

Хотя жена моя сколько же ненавидишь долгу, какъ и я, однако съ шрудомъ на сей разъ могъ я уговорить ее на уплату Докшору; но я ее не послушалъ. Вамъ извѣстно, сударь, что я, пася мое спадю, провожу большую часть жизни моей одинъ: по мнѣ и очень важное дѣло имѣеть покойныя мысли. Ибо все содѣланное нами дурно, въ уединеніи живѣе намъ предшавляешся и мучишь насъ; такъ что нѣтъ другаго средспва бытъ покойнымъ, какъ воздерживашься отъ дурныхъ дѣлъ и вредныхъ удовольствій. — Я думаю, это одно изъ главныхъ причинъ, почему большая часть людей боишся уединенія. — Хорошій обѣдъ бы я съѣлъ; вкусъ бы онаго прошелъ, а долгъ и разскааніе бы спались. — Ахъ, Государь мой! удовольствіями можно назвашь только то, что не оспавляетъ по себѣ ни безпокойствія, ни наказанія. —

Г. Жонсонъ былъ доволенъ симъ разсужденіемъ, и согласился, что хотя хорошій обѣдъ и желателенъ, однако гораздо лучше

имѣть спокойное и довольное сердце. Ну, покажи мнѣ, сказала онъ, что въ этомъ кувшинѣ? — Прекрасная вода, оживляла пашухъ, какой въ Государствѣ лучше нѣтъ. Я слыхалъ, что еси за моремъ земли, гдѣ нѣтъ здоровой воды; да я и самъ былъ не далеко отсюда, въ большомъ городѣ, гдѣ принуждены покупать воду: а меня милосердый Господь наградилъ ключемъ у самыхъ моихъ воротъ, въ которомъ вода столь же чиста и хороша, я думаю, какъ и въ кладезѣ Такова. Когда мнѣ сдѣлаешся грусно, что не имѣю другаго напишка, то вспомню, что жена Самаряныня подала лишь чистую спуденую воду величайшему Госпоу міра сего.

Очень хорошо, сказала Г. Жонсонъ; но какъ честноснѣ пивоя не позволила шебѣ имѣннѣ хорошаго обѣда, то, по крайнѣй мѣрѣ, я пошлю принести чего нибудь выпить. Я видѣлъ кабакъ шумъ, не подалеку отъ церкви. Пошлемъ этого румянаго мальчика принести кувшинъ пива? Говоря сіе онъ обратился къ мальчику, который посматрѣвалъ на отца, какъ будто спросилъ, что ему дѣлать. Не прогнѣвайшесь, Государь мой, и не почивите насъ за неблагодарныхъ, еснѣли я сего не приму, сказала пашухъ; сынъ мой безъ сомнѣннѣ готовъ бѣжать, дабы служилъ вамъ. Но, милосщивой Государь, нынѣ Воскресенье, и лучше мнѣ во всю жизнь не пить ничего кромѣ воды, нежели знаннѣ, что кто нибудъ изъ семьи моей въ кабакъ былъ въ день воскресный. Я часто другимъ за шо выговариваю; еснѣли же буду говорить шо, а дѣлать другое, предснѣавшѣ себѣ, какую мысль сіе подаснѣ со-

сѣдямъ моимъ? Они ради будутъ разсказывать, что видѣли паспухова сына въ Воскресенье на кабакъ, не спросивъ, почему и за чѣмъ? Христіане должны быть болѣе осмотрительны, а иначе они не только на себя нанесуть безчестіе, но, что гораздо хуже, и Святому имени, коимъ называющся.—

Не слишкомъ ли ты ужь оспороженъ, другъ мой? — Можнo ли быть слишкомъ оспорожену, баринъ, ошвѣчалъ паспухъ? Я по глупости своей не болѣе понимаю, какъ можно быть слишкомъ оспорожену, какъ слишкомъ сильну или слишкомъ здорову.

Ты правъ, сказала Г. Жонсонъ, въ общемъ смыслѣ: но въ такой бездѣлицѣ мнѣ показалось это странно. — Государь мой! сказала паспухъ; я боюсь, не прогнѣваешься ли, но вы такъ милосивы. — Говори, говори пожалуй, я того и желаю. — Ну, такъ скажу вамъ: мнѣ кажется не бездѣлица то, что соблазняешь насъ на дурное дѣло; — можешь ли быть бездѣлицей добровольное согрѣшеніе? Бѣдняку, каковъ я, рѣдко случается дѣлать большія какія нибудь дѣла, и люди могутъ судить о немъ по малымъ дѣяніямъ жизни его, по повседневному его поведенію и обычаямъ, которыхъ всѣ, по видимому, составлены изъ бездѣлицъ, какъ вы изволили назвать. Пока они говорили, всѣ дѣти сплюнули очень смирно позади: но шумъ вдругъ всѣ зашевелились и всѣ побѣжали къ полкѣ за шляпами. Видя, что Г. Жонсонъ казался удивленнымъ симъ шумомъ, паспухъ сказалъ ему извиняясь, что колокольной звонъ былъ шому причиной: ибо мать ихъ такъ приучила, что всякой боялся опоздать въ

церковь, и спыдились приходиль шуда, когда уже служба началась.

Марія пошла съ дѣшми впередь, а Г. Жонсонъ пошелъ съ паспухомъ за ними, говоря о вещахъ приличныхъ должноти, кошорую шли исполнять. Я часпо сожалѣль, говорилъ Г. Жонсонъ, видя, что многіе изъ тѣхъ, кои считающаюся честными и добрыми людьми, и кошорые ни за что бы не пропустили случая ишци въ церковь, мало думающъ о шомъ, въ какомъ они разположеніи и духъ шуда идушъ. Они говорятъ о дѣлахъ своихъ до самыхъ дверей церкви, и опять начинаютъ о шомъ же, какъ скоро служба кончипся: мнѣ кажешся эшо пошому, что они привязаны шолько къ обряду церковному. Я же съ своей спороны нахожу нужнымъ нѣсколько пригошавлятья и къ обыкновенному дѣлу, дабы порядочнѣе сдѣлашь, кольми наче присшупать къ важнѣйшему, нужнѣйшему изъ всѣхъ дѣлъ. — Правда, Государь мой, опвѣчалъ паспухъ: я также думаю. Какъ бы я пригошавлялся, ешълибъ мнѣ надо было предсавать предъ какого нибудь большаго барина, предъ Князя или предъ Царя! Такъ не уже ли Царю Царей окажемъ менѣ почшенія? Къ шому же хошѣлось бы видѣшь, что люди идушъ въ церковь охотно и радостно не шолько по должноти, и чтобъ также боялись опоздать, какъ идучи на праздникъ или на шоргъ. —

Послѣ службы, Священникъ, бывъ знакомъ съ Г. Жонсономъ, и почипая его очень, подошелъ къ нему, изьявляя сожалѣніе свое, что не можешъ воспользошавься симъ слу-

чаемъ побесѣдовать съ нимъ, бывъ позванъ къ больному въ деревню, но что надѣешься видѣшь его прежде отъѣзда его. Шедши вмѣстѣ, Г. Жонсонъ разспрашивалъ его о пасухѣ, и получили подтвержденіе, что онъ былъ челоуѣкъ благочестивой, здравомыслящій и шрудолубивый. Отходя, Паспоръ общался зайни въ хижину, возвращаясь отъ больнаго. —

Пасухъ бывъ увѣренъ, что гостъ его зашелъ къ Паспору, пошелъ домой съ семьей своей, и начиналъ по обыкновенію своему шолковашъ имъ Кашихизисъ, когда Г. Жонсонъ вошелъ и шребовалъ, что бы пасухъ продолжалъ свои поученія, какъ бы его шущъ не было. Онъ радовался, что дѣши понимали и благочестиво отшвѣчали; и просилъ пасуха сказать ему, какимъ образомъ онъ съ столь малымъ досугомъ и чпеніемъ могъ самъ такъ хорошо знашь Писаніе и научишь дѣшей своихъ? О, что касается до сего, Государь мой, мы читаемъ почти одну только книгу; но сердечное моленіе наше о низпосланіи намъ благодати въ чпеніи семь, научаешъ насъ всему, что должно намъ знашь. Главное же мое стараніе всегда было приводишь въ дѣйствіе во всей недѣли то, что читаемъ по Воскресеньямъ, и содержашъ Господа Бога въ сердцѣ и памяти, равно когда Библия наша лежишь въ ящикѣ, какъ когда въ рукахъ нашихъ находишся; однимъ словомъ, прикладывашъ, что читали въ Библии, къ тому, что вспрѣчаемъ въ полѣ.

Я не очень понимаю себя, отшвѣчалъ Г. Жонсонъ. — Извинише, сударь; я не умью дру-

тимъ сообщашь шо, что приносишь мнѣ великое утѣшеніе: Я хотѣлъ сказашь и увѣрять, что самые ничего незнающіе, — поденщикъ, войсшинну занимающійся моленіемъ своимъ, можешь сохранишь во всю недѣлю мысли и чувствія, хоша книги и не видають, только надо знашь Священное Писаніе: надо по Воскресеньямъ прилѣжно чинашь слово Божіе; это богатое сокровище для Христіанина; пошому-шо я шакъ прилѣжно и зашавляю дѣшею своихъ учинь даже наизусть цѣлыя псалмы и главы Св. Писанія. Еспьши живешь во спрахъ и любви Божіей, пѣшь почти вещи, копорая бы не научала насъ обожашь могущество и благость Его, и не привела бы на памяшь какое нибудь мѣсто изъ Св. Писанія, исполняющее сердце благодарностію, а уста хвалою. Возведу ли очи; *чебеса ловѣаютъ славу Божію*; Пс. XVIII, ст. 2. Яли останусь безмолвень и неблагодарень? Когда посмопірю вокругъ себя на поля покрышыя жапивою, какъ не благословляшь Владыку, *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе*? 1 Тимоѳ. гл. VI, ст. 17. Я могу научитьсѣ благодарности опъ скоша въ полѣ: *позна волѣ стяжавшаго и, и оселѣ ясли господина своего*, Исаи гл. I, ст. 3. Христіанинъ ли не познаешь и не размыслишь, колико милосивъ и благу къ нему Господь? — Я, будучи паснухомъ, спараюсь всегда помнишь о добромъ Паснырь: *на мѣстѣ злагнѣ, тамо всели мя; — жезлѣ твой и лалица твоя, та мя утѣшиста*. Пс. II, ст. 2 и 4.

Ты щаспливъ, другъ мой, сказалъ Г. Жонсонъ, живучи въ уединеніи и удаленіи опъ

разврата міра сего! — Куда удалишься, Государь мой, ошвѣчалъ паспухъ, ошъ разврата собственнаго сердца своего? Тамъ, на шой дикой удаленной горѣ, и шамъ сердце мое способно возимѣшь порочныя мысли. Я полагаю, сударь, чшо всякое соспояніе имѣешь свои изкушенія. Вы, большіе бояре, живучи въ свѣпшѣ, подвергаешесь шаковымъ, кои намъ бѣднякамъ, можешь бышь, неизвѣспны; но живущему въ уединеніи подобно мнѣ, дурныя мысли — главной грѣхъ; и я равно не могу преодолѣшь ихъ безъ помощи Божіей, какъ и богатый баринъ не можешь прошивустояшь прелесшямъ худаго общества безъ шой же благодати Господней. Я чувствую, чшо безпрестанно имѣю нужду въ помощи Божіей, и чшо безъ нея бы погибь.

Г. Жонсонъ похвалилъ чистосердечіе паспуха, ибо примѣшилъ, чшо гдѣ нѣшь смиренія и бѣднія надъ сердцемъ прошиву грѣха, шамъ нѣшь и вѣры; и чшо шотъ, конюрый не чувствувешъ себя грѣшникомъ, не можешь бышь Христіаниномъ. —

Пока они шакъ разговаривали, вошелъ Паспоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, онъ сказалъ: — ну, паспухъ, поздравляю тебя; я знаю чшо тебѣ жаль будешь пользовашься смертію ближняго; но старой Валсонъ, мой староста церковный, былъ шакъ дряхль, и, я надѣюсь, шакъ гошовъ къ смерти, чшо нѣчего о немъ и жалѣшь. Я ходилъ молишься съ нимъ, онъ умеръ при мнѣ. Мое намѣреніе всегда было, чшо бы ты наслѣдовалъ его мѣспо: оно не очень доходно, но, какъ ни мало, все лучше шепершняго.

Какъ мало, Государь мой! вскричалъ пасиухъ? Право, это очень много для меня. Благодарю Бога за благоспѣ Его! Марія молчала, и со слезами на очахъ, благословляла небо.

Я радъ сему случаю, сказала Г. Жонсонъ, не только для себя, но и для церкви; ибо признаюсь, что не люблю видѣть службу исправляемую нечесливыми или равнодушными служителями. Г. Жонсонъ спросилъ у Пастора, много ли дѣшей у него въ приходѣ? — Много, отвѣчалъ онъ, Государь мой. — А школь? — Нѣтъ, кажется. — Спѣдно сказать, сударь, но нѣтъ; я стараюсь замѣнить сіе, сколько возможно, шолкуя Кашихизисъ; но какъ долженъ служить въ двухъ или трехъ церквахъ и большую семью имѣю, то и нѣтъ времени нужнаго на частное ученіе дѣшей и на заведеніе школы. —

Заведенныя въ Епархіяхъ и городахъ школы, раздають книги и другія помощи Священникамъ, пребывающимъ оныхъ; они, конечно, и вамъ помогутъ; но мы и сами можемъ что нибудь сдѣлать. — Пасиухъ! продолжалъ онъ: есшьлибъ я былъ Царь, и могъ бы тебя сдѣлать богатымъ и большимъ баринномъ, то я сего бы не сдѣлалъ. Люди, какимъ нибудь случаемъ возвышавшіеся выше состоянія, въ какое судьба ихъ поспавила, рѣдко бывають честны и щасливы. Я всегда любилъ помогать добрымъ людямъ, не выводя ихъ изъ состоянія своего. Сколько платишь ты за хижину свою? — Двадцать пять рублей въ годъ, сударь. — Она очень вешха; нѣтъ ли лучше здѣсь въ деревнѣ? —

Та, въ которой жилъ староста, не только новѣе и крѣпче, сказала Паспоръ, но въ ней двѣ хорошія комнаты и большая кухня. — Ну, продолжалъ Г. Жонсонъ, мое намѣреніе то, чѣмъ пасухъ пошчасъ перешель въ шомъ домъ, недожидаясь сроку найма, а я въ семь разочшусь. — Правда, Государь мой, ошвѣчалъ Паспоръ; а шестъ мой можешъ ему купишь и ошавшіеся его пожипки. А чѣмъ скорѣй перейдушь они ошюда, шѣмъ лучше; попому что бѣдная Марья нажила болѣзнь свою, спавъ подъ шечью. Пасухъ слишкомъ былъ шронушь, чшобъ ошвѣчалъ, а Марія рыдая могла только выговорить: о! вы слишкомъ милосшивы. — Хижина наша годится. — Она для шебя и для дѣшей швоихъ, можешъ бышь, и годилась бы, ошвѣчалъ съ важносшію Г. Жонсонъ, но для школы не годится; кухня и мала и шемна. Пасухъ! продолжалъ онъ: съ дозволенія добраго Паспора швоего и съ помощію его, я намѣрень завести въ семь приходъ школу для крещшянскихъ дѣшей, и ты будешъ въ ней учштелемъ; она никакъ не помъшаешъ работамъ швоимъ и дастъ тебѣ способъ бышь полезнымъ многимъ душамъ, равно какъ и семь швоей. Я плачу, чшо приходишь лишнее, за наемъ дому *вязка*. — Чшо же касается до шебя, добрая Марія, какъ ты не способна дѣлать шяжелую работу: шо я намѣрень шакже препоручишь тебѣ маленькую школу, въ коей ты будешъ наставницей и будешъ учшшь десяти или двѣнадцать дѣвочекъ вязать, шить, прясшь и другимъ женскимъ работамъ, досшавляющимъ хлѣбъ. — За все сіе я буду тебѣ плащшь

обыкновенную цлану; ибо намѣреніе мое не то, что бы обогатишь васъ, но сдѣлашь васъ полезными.

Не обогатишь, Гоеударь мой! вскричала паспухъ. Какъ могу возблагодарить васъ за все ваши милости? Я надѣюсь, что Богъ подкрѣпитъ меня и не дастъ мнѣ забыть ся въ щастіи. — Тушь, заливаясь слезами, поглядѣли они другъ на друга. — Г. Жонсонъ, видя ихъ смущеніе, вышелъ съ Паспоромъ на лугъ и оставилъ ихъ однихъ. Какъ скоро они оспались свободны, то пошчасъ забилась въ уголокъ, что бы никто ихъ не видалъ, и шамъ, бросясь на колѣни, благодарилъ Бога всещедрого, и молили за благодѣтеля своего, призывая къ тому и пресвящую помощь Его ко всшупаенію въ новую ихъ должность.

Г. Жонсонъ провелъ вечеръ сей съ благочесливой семьей добраго Паснора въ его домъ, и на другой день, съ помощію шестя Паспорова, ввелъ и посѣлил паспуха въ новое его жилище. Потомъ просишлся съ ними, общая навѣщать Паснора и новаго старосшу церковнаго его всякой годъ, пока Богу угодно будетъ продолжишь его жизнь.
